
ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

А.М. Руденко*Донской государственный
технический университет
г. Шахты, Россия****Е.В. Волохова****Южно-Российский государственный
политехнический университет
(НПИ) имени М.И. Платова
г. Новочеркасск, Россия
redaction-el@mail.ru***ЧЕЛОВЕК, СВОБОДА, БЫТИЕ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ****[*Andrey M. Rudenko, Elena V. Volokhova* Man, freedom, being:
philosophic and anthropologic analysis]**

It is considered the ratio of the key philosophical concepts: "man", "freedom" and "Genesis" from philosophical-anthropological point of view. Semitransparency personality to being is a development of the spiritual dimension of the person as a key measure of a truly human being, bursting a man from dead space Nothing which appears in this dimension is not as nothingness, but as a potential opportunity. It is in this explication of freedom that over being and pre being can be considered, i.e. opposed to being as necessary.

Key words: freedom, being, philosophy, culture, man, philosophical anthropology.

Необходимость системного изучения свободы человека в философско-антропологическом аспекте обусловлена тем, что отдельным наукам такое изучение просто не под силу. Лишь методология философской антропологии предоставляет возможности для постижения смысла человеческой свободы. Используя инструментарий этой сферы философского знания и понятие «самотрансцендирование свободы личности», под которой, по нашему мнению, следует понимать активную и продуктивную творческую реализацию позитивной свободы личности, принципиально возможно определить смысло-

жизненную интенциональность человеческой свободы. Потребность в раскрытии антропологического смысла самотрансцендирования личностной свободы и возможность такого раскрытия, актуализирует вопрос о соотношении человека, свободы и такой фундаментальной философской категории, как бытие.

В историко-культурном контексте антропологический смысл самотрансцендирования свободы в зависимости от исторических типов философии понимался по-разному. В настоящее время особенно интенсивно происходит процесс расширения границ человеческой свободы и одновременно сужения границ ее субъектности: «Если в XIX – XX вв. границы свободы есть границы собственности..., то в XXI в. она везде, где точка Я, осознающего свою ответственность...» [7, с. 19]. Но нельзя не признать и то, что человеческое Я в XXI веке в условиях современной цивилизации погружается в иррациональное пространство виртуальности, где оно становится внеположным результатам собственной деятельности личности, что превращает субстанцию свободы в симулякризованную неопределенность. Человеческое Я, утрачивая собственную меру ответственности, перестает быть потенциатором бытия, растворяясь в деиндивидуализированном пространстве современной техногенной инфраструктуры.

Иная позиция, в какой-то степени противоположная, позиция относительно понимания самотрансцендирования свободы в условиях современности, озвучивается в исследованиях Е.В. Андрияновой (2006), полагающей, что идеал свободы реализуется в трех основных формах (адаптации, освобождения и ответственности), из которых именно последняя форма наиболее характерна для современного постиндустриального общества.

Отмечается, что идеальные представления о первых двух формах реализации свободы (адаптации и освобождения), характерны для индустриального общества с его властным, господствующим отношением к миру природы и социума, а также рационализмом и всесторонней зависимостью его членов друг от друга. Поэтому свобода на данном этапе развития общества выступает его целью, что обуславливает некоторую метафизичность экспликаций свободы в индустриальном обществе, а также представление о свободе как об адаптации и освобождении. При этом «адаптация соответствует пассивному, в противоположность освобождению, способу обретения свободы» [1, с. 20], поскольку адаптация предполагает в большей степени осмысление или переосмысление личностной позиции, в то время как освобождение мыслится как активное дей-

ствие субъектов социума по отношению к целым социальным группам, направленное на изменение структуры социума. Этим объясняется имевшая место в истории череда революций в рамках индустриального общества в Европе под лозунгами либерализма. Опасность и деструктивный характер подобного понимания проблемы свободы связаны с тем, что объявление свободы высшей ценностью и целью допускает нивелирование всех других целей и ценностей: «Либерализм, однако, основывается именно на таком смысле свободы. Причем его основанием оказывается право индивида на свободу» [1, с. 14]. Тогда цель может оправдывать средства, что ни с правовой, ни с этической точек зрения недопустимо, поскольку обратное означало бы отказ от практической реализации базовых ценностей жизни человека ради идеалов их утверждения.

Понимание идеала реализации свободы как ответственности становится, как верно отмечает Е.В. Андриянова, ключевым достижением постиндустриального общества с его ориентацией на замену материальных и энергетических ресурсов информационными, разнообразие, непрерывность образования, обновление и самореализацию личности. На данном этапе развития человечества появляется новая форма зависимости – информационная, что в свою очередь трансформирует проблематизации осмысления и практик воплощения феномена свободы. В этих условиях становятся очевидными не только позитивные, сколько негативные последствия свободы, которая начинает трактоваться не только как идеал, но и как негативная ценность, утрачивая статус цели. Усложняющийся характер действительностью с возрастающей долей рисков и опасностей, возникающих как следствие непродуманных действий человека, порождают необходимость пониманию свободы как ответственности, которая понимается как ответ на вызов действительности и «...предполагает сочетание «возвышенной стратегии» и «компромиссной тактики», где компромиссная тактика подразумевает применение трех неотъемлемых составляющих свободы – выбор, решение и ответственность, – а возвышенная стратегия является ориентиром максимального воплощения этих составляющих» [1, с. 20]. Подобное отношение к пониманию свободы особенно актуально в связи с обострением глобальных проблем современности, от которых зависит не только настоящее, но и будущее. Следовательно, социокультурная ситуация современности предельно заостряет проблему соотношения свободы и бытия, делает её решение жизненно важной для выживания и дальнейшего

развития всего человечества. Как верно пишет Л.А. Богодельникова, «если видеть в свободе не самоценность, а прежде всего условие возможности творчества человеческой личности, в котором заложены смысл и назначение человека, то в свете такого понимания, свобода, по самой своей сущности, предшествует совершаемым свободным актам, ибо свобода первичнее своих проявлений» [2, с. 103]. Нельзя не усмотреть в таком подходе к свободе толкования, сходного с толкованием Н.А. Бердяева. Но если его применять к бытию, при котором, как указывал М.К. Мамардашвили, оно есть «не просто существование вещи, а то, что существует в зазоре между задаваемой формой... творения и его потенциальной формой или новым творением» [5, с. 367], становится очевидным, что бытие нуждается в постоянной подпитке, которой и выступает самотрансценденция личностной (и человеческой) свободы. Реализация свободного творения требует движения в сторону обретения бытия за счет опредмечивания замысла. В этом случае свобода как потенциальная возможность реализации намерения предстает как причина бытия, но она же вырастает из уже наличного бытия, что заставляет усомниться в абсолютности идеалистического тезиса, согласно которому свобода предшествует бытию.

Свобода, конечно, не всегда предшествует бытию, часто она имманентна бытию, обладающему фундаментальным свойством свободной самоорганизации. Отмечая бытие свободы человека в условиях нелинейной реальности, порождающей стихийность его ориентации в сиюминутных событиях и явлениях бытия, академик Е.И. Ярославцева пишет о человеке следующее: «Он практически находится в особой реальности, где нет устойчивых перспектив, где он сам всегда потенциален и незавершен. Это постоянно *открытый опыт развития и свободы, который не преддрекает ничего и в то же время определяет практически все*» [9, с. 177]. Последнее порождает актуализация обостренного внимания человека к постоянно протекающим процессам бытия, а также к собственной активности.

Применительно к человеческому бытию в антропологическом смысле свобода выступает в качестве его фундаментального основоположения, выступая мерой его самореализации и воплощения глубинных потенций человека в соответствии с его ценностными устремлениями. В этой связи вновь обратимся к Л.А. Богодельниковой, которая пишет: «В этом смысле свободен тот человек, который наиболее полно и адекватно реализовал себя в соответствии с его

устремлениями и ценностями, и, напротив, несвободен тот, кто не смог в силу тех или иных причин, препятствий, ограничений самореализоваться так, как он представляет для себя достойным, полезным и необходимым» [2, с. 104]. Таким образом, самотрансцендирование свободы личности выступает основой вечного движения человека к самовоплощению и фундаментальным основоположением человеческого, социокультурного и природного бытия.

Однако осознание истинной свободы человека в бытии и бытия его свободы возможно только на основе диалектической связи категории «свобода» с категорией «несвобода», поскольку изучение одного в отрыве от другого не только снижает практическую значимость подобного исследования, но и понижает его теоретико-методологическую ценность. Как верно указывает В.К. Йошкин, «искусственное отстранение от познания и понимания несвободы бытия природы, общества и человека негативно сказывается на процессе выявления законов существования сущего...» [3, с. 3]. Конечно, человек не совсем свободен как часть природного бытия, а также осознает свою биологическую конечность, смертность и временность существования. Не всегда он становится свободным и в социальном бытии, будучи ограниченный системными нормами, требованиями и традициями. Подлинная свобода открывается человеку лишь в духовном измерении, важнейшим основанием самореализации которого является личностная способность к трансцендированию. Поэтому трудно не согласиться с М.К. Мамардашвили в следующем: «Положение человека в мире не имеет природных оснований. А если и есть основания, то только те, которые сознаются, и в этом смысле человек и человеческая история суть история самосозидания, но это самосозидание означает, что мы, живя в природе, ее трансцендируем. Те основания, которые мы под себя подкладываем, чтобы стать людьми, ищутся через выхождение человека за свои собственные природные рамки или границы» [6, с. 54]. Данное добровольное выхождение человека за рамки природной регламентации и составляет сущность процесса самотрансцендирования, которое и позволяет человеку развивать сферу духовного, наряду со сферой природного. Поэтому стоит согласиться и с тем, что, «обращаясь к духовному, выходя за рамки предметного мира, человек преодолевает закон причинности, преодолевает необходимость, а значит, становится свободным» [2, с. 105]. Самотрансценденция личности к бытию есть развитие духовного измерения личности как ключе-

вого измерения подлинно человеческого бытия, вырывающего человека из мертвого пространства Ничто, которое предстает в таком измерении не как небытие, а как потенциальная возможность. Именно в такой экспликации свободу можно считать надбытийственной или предбытийственной, т.е. противостоящей бытию как необходимости. Хотя личностное бытие может проявляться не только в трансценденции, но и в объективации, которая хоть и наличествует, но является все же вторичной по отношению к личности.

Проблема соотношения трансценденции и объективации личностного бытия – это проблемы соотношения личностной устремленности в отношении формирования предметов и смыслов окружающего социокультурного пространства и обратного влияния самих предметов и смыслов как символической системы культуры на человека. Стоит отметить, что Э. Кассирером, одним из крупнейших философов и культурологов первой половины XX века, сделана попытка выявления человеческого в человеке именно на основе данной взаимосвязи: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать *символической системой*. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь» [4, с. 29]. Символическая система культуры, созданная в результате самотрансценденции свободы человеческих личностей, сама стала более широкой реальностью для человека, ее качественно новым измерением по сравнению с дочеловеческими формами жизни. Символическая система привела к опосредованию реакций психики человека на внешние стимулы за счет включения процессов мышления, что привело к тому, что человек перестал непосредственно противостоять реальности. Это привело к частичному освобождению человека, так как. отдаление от ограничений физической реальности привело к росту свободной активности в символической реальности за счет погружения в лингвистические формы, мифические символы, художественные образы, научные формулы или религиозные ритуалы. Жизнь в условиях строгих фактов дополнилась существованием в мире, порождающих новые эмоции, надежды, страхи, фантазии и иллюзии, что свидетельствует о разломленности человеческого бытия.

На последнем акцентирует внимание и Е. Финк, который в своей знаменитой работе «Основные феномены человеческого бытия» показывает, что, например, «разломленность человеческого бытия на фрагментарные формы жизни, мужскую и женскую, есть нечто большее, нежели случайное биологи-

ческое состояние, нежели чисто внешняя обусловленность психофизической организации: двойственность полов относится к бытийному строю нашего конечного существования и является фундаментальным моментом нашей конечности как таковой» [8, с. 357]. Человек, выступая как личностью, так и носителем пола, лишен другой половины человеческого бытия, но именно эта лишенность и выступает фактором, порождающим великую страсть, глубокие чувства, волю и томление по непреходящему бытию. Иными словами, именно половая проблема является фактором, энергетически формирующим источник самотрансценденции человека, которая, по Е. Финку, основана на человеческой фантазии, точнее на способности фантазировать. Он указывает на повсеместность, универсальность, чрезвычайную действенность человеческой фантазии в самых различных сферах жизнедеятельности от политики до любовных переживаний: «Тысячью способов фантазия пронизывает человеческую жизнь, таится во всяком проекте будущего, во всяком идеале и всяком идоле, выводит человеческие потребности из их естественного состояния к роскоши... Фантазия открывает нам возможность освободиться от фактичности, от непреклонного долженствования так-бытия, освободиться хотя бы не в действительности, а "понарошку", забыть на время невзгоды и бежать в более счастливый мир грез» [8, с. 360]. Учитывая действенность фантазии, Е. Финк указывает на ее двойственный характер в жизни человека, когда она может стать как опасным, так и благодатным достоянием человека в таких анализируемых им феноменах человеческого бытия как игра, смерть, труд, господство и любовь. При этом игру он считает наиболее фундаментальной формой проявления бытия человека в культуре, полагая, например, что культ, миф, религия и искусство укоренены в бытийном феномене игры. И когда человек играет, он празднует бытие, вырываясь из отягощенной заботами повседневности.

Таким образом, потребность в раскрытии антропологического смысла самотрансцендирования личностной свободы актуализирует вопрос о соотношении свободы и бытия, которое нуждается в постоянной подпитке, которой и выступает самотрансценденция личностной (и человеческой) свободы. Реализация свободного творения требует движения в сторону обретения бытия за счет опредмечивания замысла. В этом случае свобода как потенциальная возможность реализации намерения предстает как причина бытия. Свобода не всегда предшествует бытию, часто она имманентна бытию, обладающему фундамен-

тальным свойством свободной самоорганизации. Самотрансцендирование свободы личности выступает основой вечного движения человека к самовоплощению и фундаментальным основоположением человеческого, социокультурного и природного бытия. Самотрансценденция личности к бытию есть развитие духовного измерения личности как ключевого измерения подлинно человеческого бытия, вырывающего человека из мертвого пространства Ничто, которое предстает в таком измерении не как небытие, а как потенциальная возможность. Именно в такой экспликации свободу можно считать надбытийственной или предбытийственной, т.е. противостоящей бытию как необходимости. Хотя личностное бытие может проявляться не только в трансценденции, но и в объективации, которая хоть и наличествует, но является все же вторичной по отношению к личности. Символическая система культуры, созданная в результате самотрансценденции свободы человеческих личностей, сама стала более широкой реальностью для человека, ее качественно новым измерением по сравнению с дочеловеческими формами жизни. Символическая система привела к опосредованной реакции психики человека на внешние стимулы за счет включения процессов мышления, что привело к тому, что человек перестал непосредственно противостоять реальности. Это привело к частичному освобождению человека, так как отдаление от ограничений физической реальности привело к росту свободной активности в символической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрянова Е.В.* Эволюция форм свободы: Социально-философский аспект анализа. // Автореф. дис. канд. филос. наук. Екатеринбург, 2006.
2. *Богодельникова Л.А.* Свобода как самооткровение бытия // Известия Иркутской хозяйственно-экономической академии. 2005. № 1 (42).
3. *Иошкин В.К.* Свобода и несвобода в бытии // Автореф. дис. докт. филос. наук. Москва, 2009.
4. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
5. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. 2 изд. Составление и общая редакция Ю.П. Сенокосова. М., 1992.

6. *Мамардашвили М.К.* Трансценденция и бытие // Мой опыт нетипичен. СПб., 2000.
7. *Тулчинский Г.Л.* О природе свободы // Вопросы философии. 2006. № 4.
8. *Финк Э.* Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии: Переводы / Общ. ред. Ю.Н. Попова. М., 1988.
9. *Ярославцева Е.И.* Сеть свободы человека // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / Под общ. ред. Б.Г. Юдина. М., 2007.

REFERENCES

1. *Andrianova E.V.* Evolution of the forms of freedom: The socio-philosophical aspect of analysis // Abstract for thesis. Ekaterinburg, 2006.
2. *Bogodelnikova L.A.* Freedom as a self-revelation of life // News of the Irkutsk Economic Academy. 2005. No 1 (42).
3. *Ioshkin V.K.* Freedom and Unfreedom in Being // Abstract for thesis. Moscow, 2009.
4. *Cassirer E.* The experience of man: Introduction to the philosophy of human culture // The problem of man in Western philosophy. M., 1988.
5. *Mamardashvili M.K.* As I understand philosophy. 2 ed. Compilation and general revision Yu.P. Haymaking. M., 1992.
6. *Mamardashvili M.K.* Transcendence and Being // My experience is not typical. SPb., 2000.
7. *Tulchinsky G.L.* On the nature of freedom // Problems of Philosophy. 2006. No 4.
8. *Fink E.* The main phenomena of human existence // The problem of man in Western philosophy: Translations / Ed. Yu.N. Popov. M., 1988.
9. *Yaroslavtseva E.I.* Human freedom network // Multidimensional image of man: on the way to the creation of a unified science of man / Ed. B.G. Yudin. M., 2007.

29 июля 2017 г.